

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ОЛИМПИАДЫ
ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2021-2022 уч. г.
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
7-8 КЛАСС

Творческий тур

Задание 1

Составьте путеводитель по имению И.С.Тургенева «Спасское – Лутовиново». Тема: «Моё гнездо, где вырос я...»

Государственный мемориальный музей И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» – уникальный природный заповедник. С 1819 года Тургеневы приезжали сюда с детьми. В этом родовом имении прошли детские годы писателя. Уже с 10 лет он пристрастился к охоте. «Лет десяти, сначала из «егерского», а потом из купленного ему отцом ружья, Ваня уже сам начал стрелять в сидящих на деревьях – дроздов, горлинок, диких голубей и плавающих на воде уток, потом мало-помалу приноровился попадать в летящих» (И. Ф. Рында. Черты из жизни И. С. Тургенева).

Охота была любимым занятием И.С. Тургенева в течение всей жизни. С ружьём и собакой он любил бродить в окрестностях Спасского-Лутовинова. Многокилометровые походы давали будущему писателю богатый материал: ему открывались не только бесконечные просторы среднерусской полосы, но именно тогда он мог наблюдать жизнь простого народа, ближе знакомиться с людьми, слушать разговоры крестьянских детей. Тургенев мог жить радостями и горестями своего народа.

В Спасское-Лутовиново И.С.Тургенев был сослан в 1852 за публикацию некролога после смерти Н.В. Гоголя (некролог вышел в газете «Московские ведомости»). В родовом имении под надзором полиции он прожил до 1853 года.

С этими местами связана и творческая жизнь писателя. Здесь был написан рассказ «Муму», роман «Рудин», закончены романы «Отцы и дети», «Дворянское гнездо».

В настоящее время Спасское-Лутовиново – знаковое для русской культуры место. Реконструирован дом, в котором жила мать писателя, Варвара Петровна Тургенева, охотничий домик, в котором останавливался И.С. Тургенев, церковь, в которой венчались родители писателя. Но главным украшением музейного комплекса остаётся парк, образец садово-паркового искусства, созданный в английском вкусе, неотъемлемая принадлежность барской усадьбы. Старинные липовые деревья вместе составляют цифру XVIII, время, когда закладывалась усадьба.

Пользуясь **портфелем экскурсовода**, подготовьте путеводитель по усадьбе, сопровождая её иллюстрациями (иллюстрации можно выбрать из предложенных рисунков, сохранив нумерацию).

Портфель экскурсовода:

1. Фрагменты из статьи Н.Левитова «Путешествие по Спасскому-Лутовинову». (Портреты писателя. Изображения Спасского – Лутовиново).
2. Стихотворение в прозе.

NB. Приветствуется привлечение дополнительной информации, которой вы владеете.

1.Фрагменты из статьи Н.Левитова «Путешествие по Спасскому-Лутовинову»

Иван Сергеевич Тургенев – великий русский писатель (1818-1883), автор романов, рассказов, драматургических произведений, стихотворений.

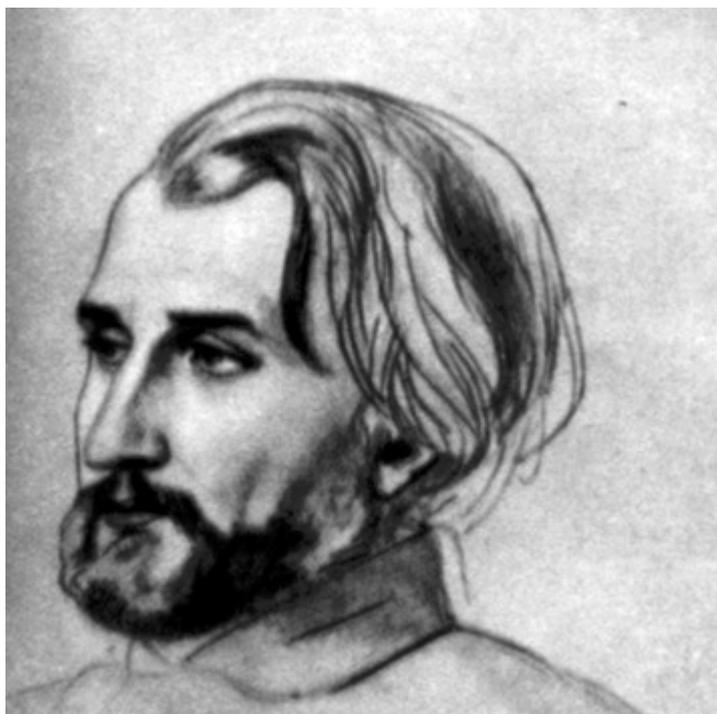

Рисунок № 1. Портрет писателя, сделанный Полиной Виардо в 1858 году

Его детские годы прошли в родовом имении Спасское -Лутовиново. Имение находится в Мценском уезде Орловской губернии, в настоящее время это государственный мемориальный природный музей-заповедник.

Рисунок № 2. Дом в имении Спасское- Лутовиново

Имение Спасское-Лутовиново принадлежало матери писателя. Сегодня – это усадебно-парковый ансамбль, который знаменит удивительным липовым парком. Старинные липы образуют римскую цифру XVIII, век, когда парк был заложен.

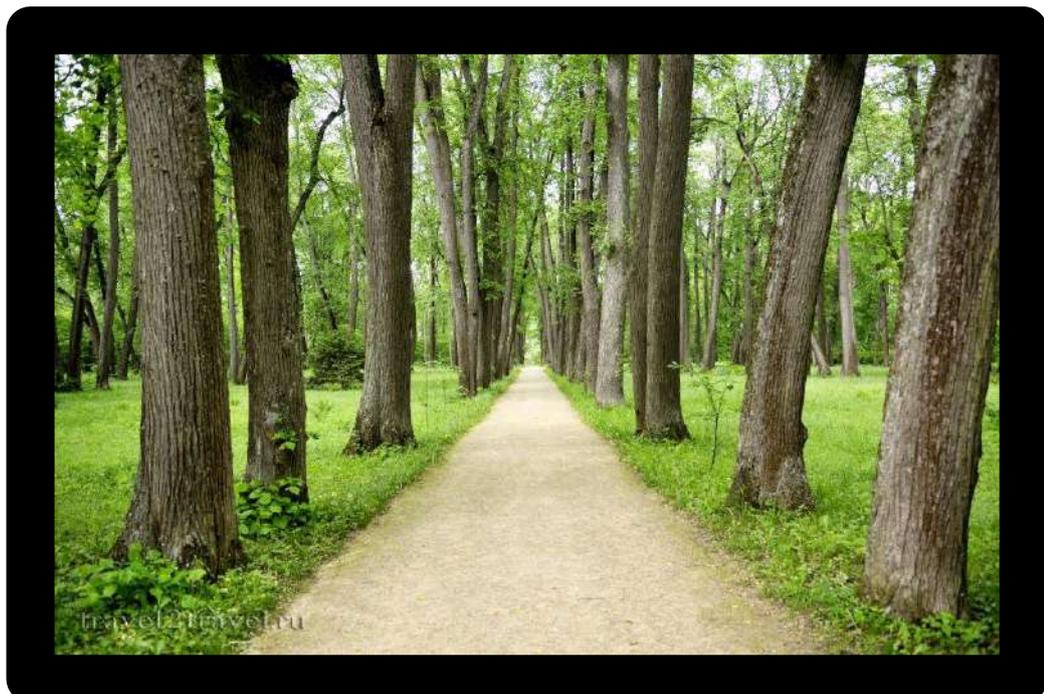

Рисунок № 3. Липовый парк.

К главному дому примыкает галерея, возле дома был разбит розарий, неподалёку от помещичьего дома находятся пристройки, среди них – так называемый «флигель отшельника» и «домик охотника», где чаще всего останавливался писатель во время посещения родового гнезда.

Рисунок № 4 . Домик охотника.

У въезда в имение располагается старинная церковь Спаса Преображения, которая была пожалована Иваном Грозным Ивану Ивановичу Лутовинову. В ней произошло венчание родителей И. С. Тургенева.

Рисунок № 5. Церковь Спаса Преображения.

Но брак родителей не был счастливым.

Мать писателя Варвара Петровна Лутовинова (1787-1850) принадлежала к богатому дворянскому роду. Трудная судьба исказила её незаурядный характер. 16-летней девочкой она бежала из родительского дома от преследований отчима, позже жила в качестве приживалки в доме богатого дяди. И только в 30 лет она стала полновластной хозяйкой богатого имения, владелицей 5000 крепостных душ, дома в 40 комнат, тысячи десятин орловской и тульской земли. О себе она сказала так: « Сироты не бывают долго детьми...Я была одна в мире». Став владелицей крепостных, она жестоко с обращалась со слугами и с крепостными, на конюшне пороли провинившихся, семьи разлучали. Сурово она обращалась и со своими детьми.

Рисунок № 6 . Мать писателя. Варвара Петровна (Лутовинова)

Отец Сергей Николаевич, отставной полковник кирасир, принадлежал к старинному роду, известному с XII века и был хорош собой. Но семья его разорилась, поэтому женитьба на немолодой и некрасивой Варваре Петровне

строилась на расчёте. Это дало основание И.С. Тургеневу называть отца «великим ловцом перед Господом».

Рисунок № 7. Отец писателя. Сергей Николаевич Тургенев.

Получив прекрасное образование, вначале в Московском, потом в Петербургском университете, а позже в изучая философию в Германии, И.С. Тургенев решил посвятить себя литературе.

Но не стихи и поэмы, которые он публиковал на страницах журнала «Современник», а рассказы принесли И.С. Тургеневу известность.

В 1847 году И.С.Тургенев опубликовал первый рассказ («Хорь и Калиныч»), который позже войдёт в сборник рассказов «Записки охотника».

Образ рассказчика объединяет весь цикл рассказов. В основе рассказов

лежат подлинные события и знакомые писателю характеры.

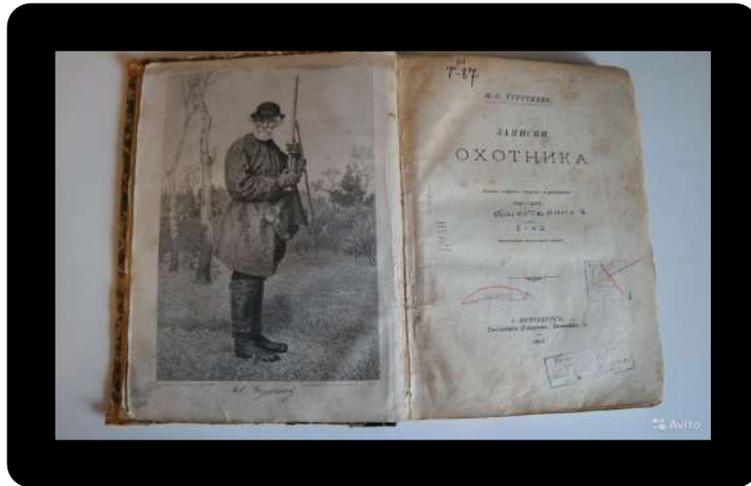

Рисунок № 8. «Записки охотника»

«Записки охотника» «повествуют о крепостных и представляют собой не только психологическое исследование, но даже доходят до идеализации крепостных крестьян, которые по своим нравственным качествам были выше их бессердечных господ» (В.В. Набоков). В 1852 году «Записки охотника» вышли отдельной книгой, в неё вошли 25 рассказов и один очерк.

Один из рассказов, вошедших в сборник, – «Бежин луг». Он посвящён крестьянским детям, которые во время ночного собираются у костра и рассказывают захватывающие истории. Писатель с большой любовью рисует образы крестьянских детей, воспроизводит их портреты, раскрывает характеры, передаёт их речь.

Рисунок № 9. Иллюстрация к рассказу «Бежин луг».

Рассказ «Бирюк» также вошёл в сборник, он даёт возможность увидеть крестьянский уклад жизни, понять крестьянские горе и нужду, полюбоваться красотой души простого человека. Лесник, по прозвищу Бирюк, честно справляет свои обязанности, он никому не даёт спуска, охраняя лес от вырубок.

Рисунок № 10 . Рассказ «Бирюк»

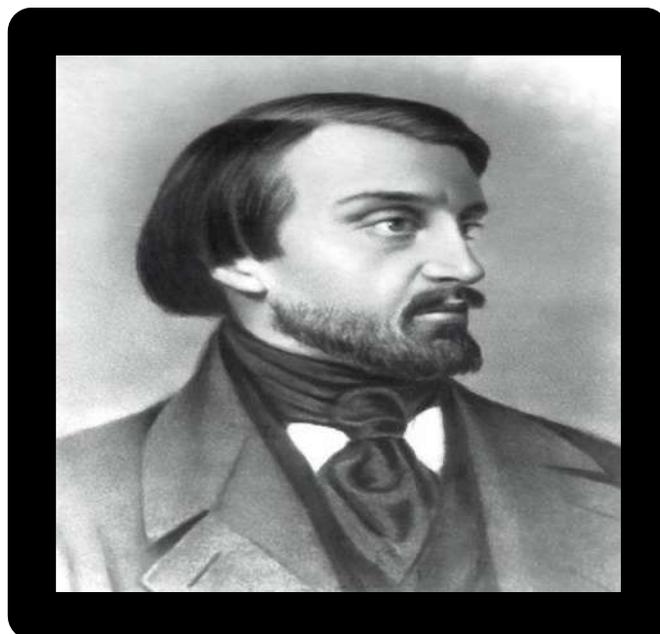

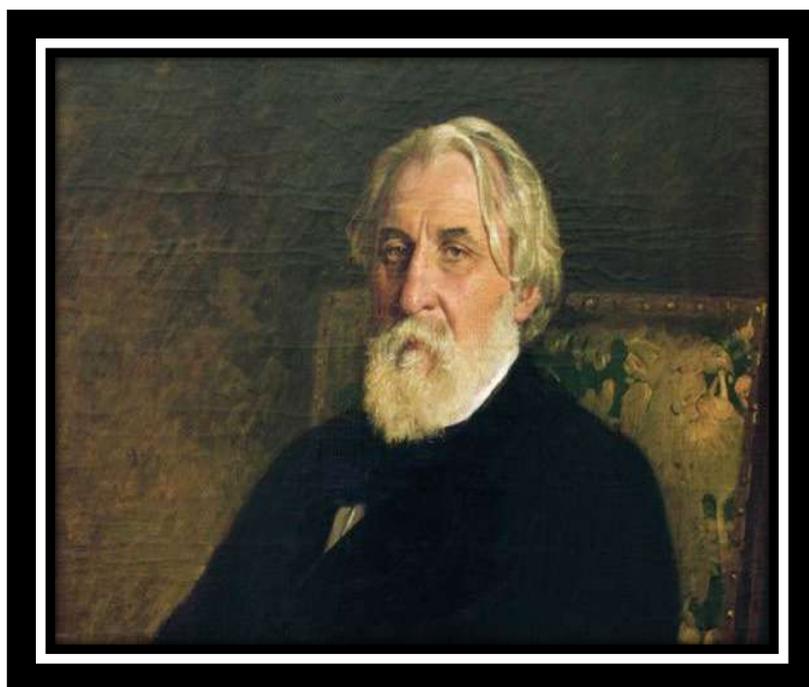
Рисунок № 11. Критик Виссарион Григорьевич Белинский

Критик Виссарион Григорьевич Белинский писал о «Записках» так: «Автор подошёл к народу с такой стороны, с какой до него ещё никто не заходил».

Рисунок № 12. И.С. Тургенев .

Не случайно император Александр I признавался, что «Записки охотника» сыграли большую роль в его решении освободить крестьян».

13. Портрет И.С. Тургенева работы И.Е. Репина

3.И.С. Тургенев. Стихотворение в прозе « Деревня»

Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия— родной край.Ровной синевой залито всё небо; одно лишь облачко на нем— нетоплывет, нетотаёт. Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное! Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают истоят, смирно повиливая хвостами.И дымком-то пахнет, и травой—и дегтем маленько— и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух. Глубокий, но пологий овраг. По бокам в несколько рядов головастые, книзу исщепленные ракиты. По оврагу бежит ручей; на дне его мелкие камешки словно дрожат сквозь светлую рябь. Вдали, на конце-крае земли и неба — синеватая черта большой реки. Вдоль оврага — по одной стороне опрятные амбарчики, клетушки с плотно закрытыми дверями; по другой стороне пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами. Над каждой крышей высокий шест скворечницы; над каждым крылечком вырезной железный крутогривый конек. Неровные стекла окон отливают цветами радуги. Кувшины с букетами намалеваны на ставнях. Перед каждой избой чинно стоит исправная лавочка; на завалинках кошки свернулись клубочком, насторожив прозрачные ушки; за высокими порогами прохладно темнеют сени.Я лежу у самого края оврага на разостланной попоне; кругом целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена. Догадливые хозяева разбросали сено перед избами: пусть еще немного посохнет на припеке, а там и в сарай! То-то будет

спать на нем славно! Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый щенок барахтается в спутанных былинках. Русокудрые парни, вчистых низко подпоясанных рубахах, в тяжелых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телегу,— зубоскалят. Из окна выглядывает круглолицая молодка; смеется не то их словам, не то возне ребят в наваленном сене. Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные огнистые капли. Передо мной стоит старуха-хозяйка в новой клетчатой паневе, в новых котлах. Крупные дутые бусы в три ряда обвилились вокруг смуглой худой шеи; седая голова повязана желтым платком с красными крапинками; низко навис он над потускневшими глазами. Но приветливо улыбаются старческие глаза; улыбается всё морщинистое лицо. Чай, седьмой десяток доживает старушка... а и теперь еще видать: красавица была в свое время! Растопырив загорелые пальцы правой руки, держит она горшок с холодным неснятым молоком, прямо из погреба; стенки горшка покрыты росинками, точно бисером. На ладони левой руки старушка подносит мне большой ломоть еще теплого хлеба. «Кушай, мол, на здоровье, заезжий гость!» Петух вдруг закричал и хлопотливо захлопал крыльями; ему в ответ, не спеша, промычал запертой теленок

. – Ай да овес! – слышится голос моего кучера. О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать! И думается мне: к чему нам тут икрест накуполе Святой Софии в Царь-Граде и всё, чего так добиваемся мы, городские люди?

Аналитический тур

Задание 2

Рассказ

А. Грин.

«Голос и глаз»

Слепой лежал тихо, сложив на груди руки и улыбаясь. Он улыбался бессознательно. Ему было велено не шевелиться, во всяком случае, делать движения только в случаях строгой необходимости. Так он лежал уже третий день с повязкой на глазах. Но его душевное состояние, несмотря на эту слабую, застывшую улыбку, было состоянием приговоренного, ожидающего пощады. Время от времени возможность начать жить снова, уравновешивая

себя в светлом пространстве таинственной работой зрачков, представляясь вдруг ясно, так волновала его, что он весь дергался, как во сне.

Оберегая нервы Рабида, профессор не сказал ему, что операция удалась, что он, безусловно, станет вновь зрячим. Какой-нибудь десятитысячный шанс обратно мог обратить все в трагедию. Поэтому, прощаясь, профессор каждый день говорил Рабиду:

–Будьте спокойны. Для вас сделано все, остальное приложится.

Среди мучительного напряжения, ожидания и всяких предположений Рабид слышал голос подходящей к нему ДэзиГаран. Это была девушка, служившая в клинике; часто в тяжелые минуты Рабид просил ее положить ему на лоб свою руку и теперь с удовольствием ожидал, что эта маленькая дружеская рука слегка прильнет к онемевшей от неподвижности голове. Так и случилось.

Когда она отняла руку, он, так долго смотревший внутрь себя и научившийся безошибочно понимать движения своего сердца, понял еще раз, что главным его страхом за последнее время стало опасение никогда не увидеть Дэзи. Еще когда его привели сюда и он услышал стремительный женский голос, распорядившись устройством больного, в нем шевельнулось отрадное ощущение нежного и стройного существа, нарисованного звуком этого голоса. Это был теплый, веселый и близкий душе звук молодой жизни, богатый певучими оттенками, ясными, как теплое утро.

Постепенно в нем отчетливо возник ее образ, произвольный, как все наши представления о невидимом, но необходимо нужный ему. Разговаривая в течение трех недель только с ней, подчиняясь ее легкому и настойчивому уходу, Рабид знал, что начал любить ее уже с первых дней; теперь выздороветь – стало его целью ради нее.

Он думал, что она относится к нему с глубоким сочувствием, благоприятным для будущего. Слепой, он не считал себя вправе задавать эти вопросы, откладывая решение их к тому времени, когда оба они взглянут друг другу в глаза. И он совершенно не знал, что эта девушка, голос которой делал его таким счастливым, думает о его выздоровлении со страхом и грустью, так как была некрасива. Ее чувство к нему возникло из одиночества, сознания своего влияния на него и из сознания безопасности. Он был слеп, и она могла спокойно смотреть на себя его внутренним о ней представлением, которое он выражал не словами, а всем своим отношением, – и она знала, что он любит ее.

До операции они подолгу и помногу разговаривали. Рабид рассказывал ей свои скитания, она – обо всем, что делается на свете теперь. И линия ее

разговора была полна той же очаровательной мягкости, как и ее голос. Расставаясь, они придумывали, что бы еще сказать друг другу. Последними словами ее были:

–До свидания, пока.

–Пока...– отвечал Рабид, и ему казалось, что в «пока» есть надежда.

Он был прям, молод, смел, шутлив, высок и черноволос. У него должны были быть – если будут – черные блестящие глаза со взглядом в упор. Представляя этот взгляд, Дэзи отходила от зеркала с испугом в глазах. И ее болезненное, неправильное лицо покрывалось нежным румянцем.

– Что будет? – говорила она. – Ну, пусть кончится этот хороший месяц. Но откройте его тюрьму, профессор Ребальд, прошу вас!

Когда наступил час испытания и был установлен свет, с которым мог первое время бороться неокрепшим взглядом Рабид, профессор и помощник его и с ними еще несколько человек ученого мира окружили Рабида.

–Дэзи!– сказал он, думая, что она здесь, и надеясь первой увидеть ее. Но ее не было именно потому, что в этот момент она не нашла сил видеть, чувствовать волнение человека, судьба которого решалась снятием повязки. Она стояла посреди комнаты как замороженная, прислушиваясь к голосам и шагам. Невольным усилием воображения, осеняющим нас в моменты тяжелых вздохов, увидела она себя где-то в ином мире, другой, какой хотела бы предстать новорожденному взгляду, вздохнула и покорилась судьбе.

Меж тем повязка была снята. Продолжая чувствовать ее исчезновение, давление, Рабид лежал в острых и блаженных сомнениях. Его пульс упал.

– Дело сделано,– сказал профессор, и его голос дрогнул от волнения.– Смотрите, откройте глаза!

Рабид поднял веки, продолжая думать, что Дэзи здесь, и стыдясь вновь окликнуть ее. Прямо перед его лицом висела складками какая-то занавесь.

–Уберите материю,– сказал он,– она мешает. И, сказав это, понял, что прозрел, что складки материи, навешенной как бы на самое лицо, есть оконная занавесь в дальнем конце комнаты.

Его грудь стала судорожно вздыматься, и он, не замечая рыданий, неудержимо потрясающих все его истощенное, належавшееся тело, стал осматриваться, как будто читая книгу. Предмет за предметом проходили перед ним в свете его восторга, и он увидел дверь, мгновенно полюбив ее, потому что вот так выглядела дверь, через которую проходила Дэзи. Блаженно улыбаясь, он взял со стола стакан, рука его задрожала, и он, почти не ошибаясь, поставил его на прежнее место.

Теперь он нетерпеливо ждал, когда уйдут все люди, возвратившие ему зрение, чтобы позвать Дэзи и, с правом получившего способность борьбы за

жизнь, сказать ей все свое главное. Но прошло еще несколько минут торжественной, взволнованной, ученой беседы вполголоса, в течение которой ему приходилось отвечать, как он себя чувствует и как видит.

В быстром мелькании мыслей, наполнявших его, и в страшном возбуждении своем он никак не мог припомнить подробностей этих минут и установить, когда наконец он остался один. Но этот момент настал. Рабид позвонил, сказал прислуге, что ожидает немедленно к себе ДэзиГаран, и стал блаженно смотреть на дверь.

Узнав, что операция удалась блестяще, Дэзи вернулась в свою дышащую чистотой одиночества комнату и, со слезами на глазах, с кротким мужеством последней, зачеркивающей все встречи, оделась в хорошенькое летнее платье.

Свои густые волосы она прибрала просто – именно так, что нельзя ничего лучше было сделать этой темной, с влажным блеском волне, и с открытым всему лицом, естественно подняв голову, вышла с улыбкой на лице и казнью в душе к дверям, за которыми все так необычайно переменялось. Казалось ей даже, что там лежит не Рабид, а некто совершенно иной. И, припомнив со всей быстротой последних минут многие мелочи их встреч и бесед, она поняла, что он точно любил ее.

Коснувшись двери, она помедлила и открыла ее, почти желая, чтобы все осталось по-старому. Рабид лежал головой к ней, ища ее позади себя глазами в энергическом повороте лица. Она прошла и остановилась.

–Кто вы?– вопросительно улыбаясь, спросил Рабид.

–Правда, я как будто новое существо для вас?– сказала она, мгновенно возвращая ему звуками голоса все их короткое, таящееся друг от друга прошлое.

В его черных глазах она увидела нескрываемую, полную радость, и страдание отпустило ее. Не произошло чуда, но весь ее внутренний мир, вся ее любовь, страхи, самолюбие и отчаянные мысли и все волнения последней минуты выразились в такой улыбке залитого румянцем лица, что вся она, со стройной своей фигурой, казалась Рабиду звуком струны, обвитой цветами. Она была хороша в свете любви.

–Теперь, только теперь,– сказал Рабид,– я понял, почему у вас такой голос, что я любил слышать его даже во сне. Теперь, если вы даже ослепнете, я буду любить вас и этим вылечу. Простите мне. Я немного сумасшедший, потому что воскрес. Мне можно разрешить говорить все.

В этот момент его, рожденное тьмой, точное представление о ней было и осталось таким, какого не ожидала она.

1923 год

Примечание

А.Грин (Александр Степанович Гринеvский) **1880–1932** год.

Русский писатель-прозаик и поэт, представитель неоромантизма, автор философско-психологических, включающих элементы символической фантастики произведений. Романтический мир, созданный писателем Грином, является фантастическим. Страна, в которой живут его герои, называют «гринландией». В этом мире раздвинуты пространство и время, и безграничны возможности человеческого духа. В ней происходят почти невозможные в обыденной жизни вещи. Необычайную силу в мире произведений Грина выполняют чувства, руководствуясь которыми герои способны совершать чудеса.

Опорные вопросы.

- 1. Насколько справедливы слова А. Грина: «Если отнять у человека способность мечтать, то отпадет одна из самых мощных, побудительных причин, рождающих культуру, искусство, науку и желание жить»?*
- 2. Согласны ли вы с тем, что «Гринландия» – вымышленный мир, в котором живут герои рассказа А. Грина?*
- 3. На каких принципах строится фантастический мир Грина? И можно ли считать, что он строится на принципах Свободы, Природы, Правды, Любви, Красоты, которые выступают составными частями Истины?*
- 4. По каким законам живут герои рассказа А. Грина «Голос и глаз»?*
- 5. На чём сосредоточен фокус авторского внимания рассказа?*
- 6. Какими ожиданиями живёт Рабид после операции?*
- 7. Почему оба героя с тревогой ожидают того дня, когда повязка будет снята с глаз?*
- 8. Не станет ли вернувшееся Рабиду зрение разрушительным для чувств героев?*
- 9. Как вы считаете, является ли внутренне зрение истинным?*

Поэзия

Юнна Мориц

Рождение крыла

Все тело с ночи лихорадило,

Температура –сорок два.

А наверху летали молнии
И шли впритирку жернова.

Я уменьшалась, как в подсвечнике.
Как дичь, приконченная влёт.
И кто-то мой хребет разламывал,
Как дворники ломают лед.

Приехал лекарь в сером ватнике,
Когда порядком рассвело.
Откинул тряпки раскаленные,
И все увидели крыло.

А лекарь тихо вымыл перышки,
Росток покрепче завязал,
Спросил чего-нибудь горячего
И в утешение сказал:

– Как зуб, прорезалось крыло,
Торчит, молочное, из мякоти.
О господи, довольно плакати!
С крылом не так уж тяжело.
1964 г.

Мориц Юнна Петровна (1937 г.) Поэтесса, писатель, переводчик. Поэзия Ю. Мориц – это поэзия совести. Об этом сама поэтесса писала: «Совесть есть весть о том, что Соппротивление истреблению совести, вклад в неистребление совести – святой труд, святое дело, святая честь». Поэтический язык поэзии Ю.Мориц отличает точность рифм вперемешку с ассонансами. Повторы часто звучат как заклинания, метафоры открывают всё новые возможности истолкования её стихов, в которых она пытается проникнуть в суть бытия.

Тезисы

- 1. Стихотворение строится на антитезе: ночь и утро, болезнь и выздоровление, умирание и продолжение жизни, молнии на небесах и тихие действия лекаря, «горный» мир и мир обыденный.*
- 2. Ночь описана как время слома (как в буквальном, так и в метафорическом смысле), утро – время осознания новой реальности, в которой существует крыло на спине.*
- 3. Двойная природа лирической героини (то ли ангел, то ли человек, с прорезавшимся крылом) .*

4. В стихотворении открытый финал: что ожидает «крылатую» героиню?
5. Первая, «ночная», часть насыщена метафорами, гиперболами, сравнениями.
6. Вторая часть более умиротворенная, читатель видит отношение автора к случившемуся, выраженное лексически («пёрышки», «росток»).
7. Пуант (поворот) в конце 3 катрена. Происходит смена регистра и бытовое измерение жизни превращается в новое духовное измерение бытия.
8. Стихотворение содержит аллюзии на темы пушкинского стихотворения «Пророк» (грозные высшие силы, страдания человека, которому дают особый дар, раскалённые тряпки как огненные оболочки, из которых появляется крыло).
9. Тема стихотворения может быть интерпретирована в контексте темы творчества, рождения поэта, духовной личности, которой дано право на воспарение.
10. В финале читателя ждет неожиданная развязка: лекарь в сером ватнике обращается на древнерусском языке («плакати»), он говорит как обладатель крыльев: «с крылом не так уж тяжело». Кто этот таинственный персонаж? И кто эти «все», увидевшие крыло?